

103132, г. Москва,
Старая площадь 4, подъезд 1А,
Президенту Российской
Федерации,
от Дудиной Тамары Андреевны,
15.11.1946 г./р.,
проживающей: Пермский край,
г. Лысьва, ул. Балахнина д. 231.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Наблюдая за Вашей деятельностью в стране из средств массовой информации, прихожу к выводу, что Вы единственный человек в государстве, который делает все возможное для наведения порядка в стране и соблюдения законов. Обращения к руководителям других ведомств, как и в прежние застойные времена, увенчаются «отфутболиванием», отмалчиванием, нежеланием признать свои ошибки и изменить что-либо.

Я дочь репрессированных поволжских немцем и мне не понаслышке известен произвол и несправедливость властей к проживающему в стране народу. В настоящий момент мало что изменилось, а произвол творят с улыбкой на лице и с выражением заумных терминов. Сознывая безысходность в поиске справедливости вынуждена обратиться к Вам со своей бедой, чтобы Вы дали указания прокуратуре и суду справедливо разобраться в уголовном деле моего сына, с надеждой, что хоть Вы не «отфутболите» **меня** в какую-нибудь другую организацию, где ожидает меня тупик.

Я не собираюсь выгораживать или защищать преступников, даже если преступниками являются мои дети, я прошу одного - справедливости.

Меня с дочерью вызывали на суд моего сына как свидетелей. Меня судья допросил, а мою дочь, у которой память свежее и которая лучше помнит время и тонкости событий, в зал суда не пустили. Мы не знаем, для чего нас вызывали в суд. Мне задавали вопросы, о событиях восьмилетней давности, не давая времени вспомнить, и расценивали мою заминку на воспоминания так, как удобно прокурору. Я плохо разбираюсь, как правильно должен проводиться суд, но, послушав судью и прокурора, мне стало понятно, что им нужен не преступник, а жертва, которая будет отвечать за преступление.

Свидетели, вызванные прокурором, читали показания по бумажкам, лежащим на **трибуне**, запинались, путали события и даты, толком ничего не могли сказать. Все потерпевшие и свидетели вообще первый раз видели моего сына на суде, что не мешало им давать против него показания. Один свидетель отказался от показаний, сказал, что ничего не знает о преступлении и участия в нем моего сына, что его заставляли дать показания следователи. Мамчур сказала, что дала показания против Андрея, потому что её не выпускали из тюрьмы, пока она не подпишет то, что нужно следователю. Свидетельница Вещева говорила, что ничего не знает и не помнит, затем выяснилось, что в то время она лежала в детской инфекционной больнице с грудным ребёнком, который болел дезентерией, во она подписала какие-то показания (о которых сама не помнит), что совершала убийство и ограбление с моим сыном. Вещеву не посадили в тюрьму, потому что она непричастна, она лечилась в больнице, а моего сына по показаниям Вещевой осудили на большой срок.

Пострадавшие говорили, что у них украли вещи из квартиры шестого марта, а прокурор убедил их, что мой сын ограбил квартиру и убил в ней жильцов четвертого марта. Не понятно почему на следующий день милиция не нашла в квартире ни следов убийства, ни отпечатков, и как можно круглой вязальной спицей проткнуть три раза голову, оставив треугольные раны? В начале прокурор говорил, что у Андрея было какое-